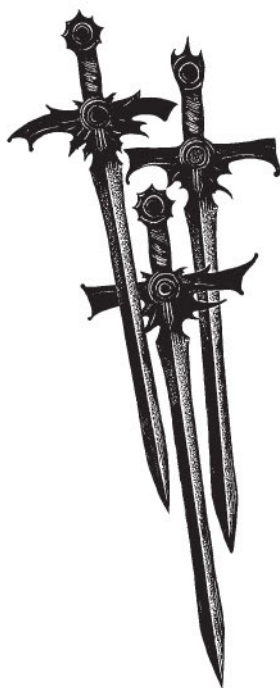

ТРОЙКА МЕЧЕЙ

Часть I

ЛЕДЯНОЙ МЕЧ

1

Моя мать была из Древней расы — из тех, кого изгнали из Карстена, когда герцог Ивиан, выскочка-наемник, ничего не понимающий в запретном и водящий компанию с мерзкими кольдерами, отправил на мыс Изгоев всех, чья кровь была древнее, чем у него.

Из наследства, более древнего, чем само имя Карстена, моя бежавшая от смерти мать привезла в Эсткарп лишь себя да свиту из трех вассалов своего отца. Их она отправила на помощь Стражам Границ, которые под командованием лорда из Иного мира Саймона Трегарта сдерживали Зло, обрушившееся на наш край. Сама она нашла пристанище у своей дальней родственницы, леди Крисвиты. А потом вышла замуж, но не за мужчину из своего народа, а за сулькарца, и в результате отдалилась от своих.

Но ее мужа убили во время одного из налетов на южные гавани. И поскольку моя мать не пользовалась любовью его народа, она вернулась к своим родичам, унося в чреве дитя, зачатое во время ее короткого брака. А еще в ней иссякло стремление к жизни, и потому после моего преждевременного появления на свет она угасла, словно свеча, задутая нетерпеливым дыханием.

Меня забрала леди Крисвита и оставила у себя, хотя она и сама вышла замуж за лорда, бежавшего с юга, Хорвана. Его семья сгинула, когда была объявлена вне закона, но он был обучен военному делу и нашел себе место среди Стражей Границ. У него были две дочери и сын Имхар, старше меня на два года, — крепкий, здоровый мальчик, с готовностью вступивший в ненадежный мир тревог и войн, в котором мы были рождены.

Со мной дело обстояло иначе. С самого рождения я был заморышем и нуждался в постоянной заботе; меня одолевало столько болячек, что я служил источником огорчения и раздражения для всех, кроме моей леди, и я осознавал это недовольство с того момента, как стал достаточно взрослым, чтобы понимать, что творится вокруг. Хотя я изо всех сил старался угнаться за Имхаром, в нашем отрочестве у меня не было на это ни единого шанса. Имхар словно родился с мечом в руке; меч казался продолжением его руки, и обращался он с ним так искусно и красиво, что просто загляденье.

Он был бесстрашным наездником и начал выезжать в дозоры еще тогда, когда едва мог сосчитать годы своих отроческих тренировок. И лорд Хорван совершенно обоснованно гордился своим наследником, юношей, обладающим всеми свойствами, нужными для того, чтобы пробиться в эти опасные времена.

Я обучался владеть мечом и дротикометом — боевой топор был слишком тяжел для моих рук. Среди темноволосых и смуглых людей Древней расы я был чужаком не только из-за малой физической силы, но еще и из-за своей светлой кожи и светлых волос; я унаследовал их от сулькарцев — но, увы, при этом мне не досталось ни высокого роста, ни крепкого сложения этих людей.

Хоть я и старался изо всех сил угнаться за Имхаром, сердце мое желало иного. Я стремился не к морю, как народ моего отца, что было бы достаточно естественно, — нет, я жаждал знаний, забытых знаний, что были некогда частью нашего прошлого.

Да, верно, мужчины не могли обладать Силой, во всяком случае, так утверждали Мудрые — колдуньи, правившие Эсткарпом. Но были древние легенды — я слышал их обрывки время от времени и хранил в памяти, как сокровище, — говорившие, что так было не всегда. Что некогда мужчины также шли по этому пути, и не без успеха.

Я довольно неплохо умел читать и выискивал все, что только мог, об этих незапамятных временах. Но я никогда ни с кем об этом не говорил, потому что меня могли бы счесть полоумным или даже решить, что я буду опасен для семьи, если колдуньи узнают о моей ереси.

В тот год, когда я получил собственный меч и начал выезжать в дозоры со Стражами Границ, Карстен послал против нас величайшую из опасностей. Кольдеры исчезли, лорд Саймон и его леди решили отправиться за море и закрыть Ворота, сквозь которые в наш мир пришел этот ужас. Ивиан, лорд юга, тоже угрожал кольдерам, и это привело его к смерти. В результате Карстен оказался на некоторое время охвачен хаосом, ибо лорды сражались друг с другом за верховенство.

Наконец верх одержал Раган из Клина и, чтобы объединить свой народ, объявил священный поход против колдуний. В затруднительных обстоятельствах такие умники вечно стремятся отыскать врага за пределами собственных границ, против которого можно выступить всем вместе, чтобы отвлечь людей от ран и потерь у себя дома.

Тогда объявлен был великий сбор, но не для наших мечей, а для владеющих Силой. Колдуны объединились на одну ночь и один день, собрав все Силы, которые сумели призвать. И они направили их к югу, и сама земля повиновалась их повелениям. Горы сдвинулись со своих мест, землю скрутило и разорвало. Но и колдуны дорого заплатили за свое деяние. Множество их погибло, став каналом для Силы, испепелившей их жизни.

Чтобы избежать хаоса, подобного тому, что охватил Карстен после убийства Ивиана, Корис из Горма взял на себя управление этим краем, и власть перешла от Совета к нему.

Лорд Саймон и леди Джелита давно затерялись где-то в северных морях, а другого военного главы, достаточно выдающегося, чтоб завоевать уважение и верность жителей Эсткарпа, не нашлось.

Но затем, передаваясь от замка к замку и от поместья к поместью, до нас дошла странная история — будто дети Дома Трегарта бежали из тех краев от гнева колдуний и теперь они были вне закона, и всем запрещено было помогать им, а кто ослушался бы, тот и сам стал бы законной добычей для любого желающего.

Люди шептались, будто сыновья лорда Саймона унаследовали всем известную Силу, которой тот владел и пользовался. И что они, вопреки всем законам и обычаям, помогли своей сест-

ре сбежать из Обители Мудрейших, где она обучалась. В них было что-то очень странное, небывалое, ибо родились они одновременно и потому были очень близки между собой.

Я веду речь об этой троице, потому что они изменили мою жизнь, как и жизнь всех, кто обитал во владениях лорда Хорвана. И я стремился разузнать все, что только мог, о молодых лордах, которые, как и их отец, отличались от нашего народа.

Карстена теперь можно было не бояться. Лорд Хорван принялся строить планы на будущее. Когда он объезжал свои владения, собирая войско, он нашел место, которое показалось ему весьма подходящим для поместья. И никто не стал бы оспаривать его право занять это место, потому что находилось оно далеко на востоке, в той части страны, что была давно уже покинута и наполовину позабыта.

Итак, мы отправились туда, чтобы начать все сначала в мире, который казался нам странным и в котором мы все еще сомневались, потому мужчины не расставались с оружием и часовые непрестанно вели дозор. Нас там было пятьдесят, в основном мужчины, но все же при леди Крисвите состояло пять женщин, а кроме того — ее дочери, ее сестра, их мужья и ребенок ныне покойной младшей сестры, на два года моложе меня.

Теперь я должен рассказать о Крите — но это нелегко. С того самого момента, как я впервые заглянул в ее стоявшую у очага колыбельку, меня что-то связывало с ней, вопреки всему. Между нами не было родства, да и быть не могло. В соответствии с древними традициями нашего народа она должна была, когда настанет срок, выйти замуж за Имхара и тем самым объединить владения лордов, к чему стремился Хорван.

Она была истинной дочерью Древней расы — темноволосой, смуглой и стройной. И мне она казалась немного отстраненной, как будто порой говорила или слышала нечто чуждое окружающим.

Из-за своей хилости в детстве я больше общался с Критой, чем с Имхаром, и она начала обращаться ко мне со всякими мелочами — просила помочь ухаживать за птичкой со сломанным крылом и тому подобное, ибо с самого раннего ее детства было очевидно, что у нее талант к целительству.

Что ее таланты этим не ограничиваются, я узнал, лишь почти достигнув возраста, когда уже отправляются в рейды со Стражами Границ (я наконец-то окреп до такой степени, что мог назвать себя воином, хоть и не особо хорошим). Я неожиданно наткнулся на нее у ручья, протекавшего неподалеку от укрепленной усадьбы, которую леди Крисвита тогда называла домом.

Крита сидела неподвижно в высокой траве, скрывавшей ее почти с головой. Глаза ее были закрыты, как будто она спала, но она плавно водила руками туда-сюда. Я озадаченно посмотрел на нее, а потом заметил — и задохнулся от тошнотворного ужаса, — что в траве свернулась змея длиной с мою руку. Приподняв голову, змея раскачивалась, следуя за руками Криты. Мне следовало бы извлечь оружие из ножен и убить тварь, но я не мог пошевелиться.

Наконец Крита хлопнула в ладоши и открыла глаза. Змея опустила голову и исчезла в траве, словно она лишь померещилась мне.

— Не бойся, Йонан.

Крита не обернулась, чтобы взглянуть на меня, но она знала, что я здесь. И когда она заговорила, сковывавшие меня узлы исчезли вслед за змеей. Я в два шага очутился рядом с Критой, ощущая, как гнев во мне вот-вот сравняется со страхом.

— Что ты делаешь? — строго спросил я.

Она подняла голову и посмотрела на меня.

— Присядь. — Она кивнула на землю рядом с собой. — Или мне следует беседовать с горой, которой я не могу заглянуть в глаза, не рискуя растянуть свою несчастную шею?

Я осторожно осмотрел траву — мне очень хотелось повершить ее мечом, чтоб не сесть на недавнюю собеседницу Криты, ибо исход был бы печален для нас обоих. Потом я все-таки сел.

— Это часть целительства — я так думаю. — Но в голосе ее чувствовалось некое смущение. — Они не боятся меня — ни крылатые создания, ни покрытые мехом, а сегодня я убедилась, что могу достучаться и до чешуйчатых. Я думаю, мы слишком часто закрываем свой разум или излишне полагаемся на подобные вещи, — она чуть подалась вперед и коснулась пальцем но-

жен моего меча, — и потому почти не слышим того, что нас окружает, не чувствуем блага этого мира.

Я глубоко вздохнул, и гнев покинул меня. Какое-то внутреннее чувство говорило мне, что Крита знает, что делает, не хуже, чем я знаю, что делать с оружием.

— Йонан, помнишь те старые истории, которые ты мне когда-то рассказывал?

Я делился собранными обрывками легенд и старинных песен с одной лишь Критой.

— В том мире Силой обладали и мужчины...

— Силы ныне в Эсткарпе, — напомнил ей я.

А потом меня захлестнул новый страх. Колдуньи всегда жаждали пополнить свои ряды. Пока что они не интересовались беженцами из Карстена, но если вдруг у какой-то девочки обнаружатся необычные способности... Крита... Нельзя было допустить, чтобы Крита исчезла за серыми стенами, отдав все, делающее жизнь прекрасной, взамен Силы.

— Я не колдунья, — тихо сказала Крита. — И, Йонан, я поделилась этим лишь с тобой одним. Потому что ты понимаешь, что свобода важнее Силы. Силу можно возлюбить чрезмерно.

Я нашарил ее руку, крепко сжал и посмотрел ей в глаза:

— Поклянись, что не станешь делать этого снова! Только не с чешуйчатыми тварями!

Она улыбнулась:

— Я не стану клясться ни в чем, Йонан. Клятвы — это не мое. Самое большее, что я могу тебе пообещать, — не рисковать.

Этим мне и пришлось удовольствоваться, хотя в душе я редко бывал удовлетворен, особенно когда думал о том, что ей еще может взбрести в голову. Но больше мы об этом не говорили. Вскорости я присоединился к Стражам Границ, и мы с Критой стали очень редко видеться.

Но когда мы ушли на восток и основали новое поместье, все изменилось. Крита достигла брачного возраста. Вскоре Имхар мог заявить свои права на нее. И мысль об этом наполняла меня печалью. Я начал сторониться ее, потому что уже осознал собственные чувства, которые надлежало обуздать и держать под замком.

Этот чужак явился, когда усадьба еще не была достроена.

Он пришел с холмов, в сопровождении одного из наших дозорных, и поприветствовал лорда Хорвана, как подобает гостю. Однако все мы почувствовали в нем нечто странное.

Он был молод и определенно принадлежал к Древней расе. Но глаза его были не серыми, а темно-голубыми. И держался он горделиво, словно человек, имеющий право приветствовать именитых воинов как равных.

Он сказал, что на нем лежит гис. Но позднее чужак открыл нам, что на самом деле он изгой, один из сыновей Трегарта, и что он явился в эту долину из давно погибшего края на востоке, Эскора, откуда, как он утверждал, изначально произошел наш народ, — чтобы позвать людей обратно.

Лорд Хорван счел его опасным, и Годгар, его маршал, был согласен с ним. Потому решено было передать его страже Совета, чтобы нас самих не объявили вне закона.

Но когда он уехал в сопровождении Годгара, нас охватили смятение и беспокойство. Я видел сны, и другие тоже, и они говорили об этих снах во всеуслышание. Мы больше не шли рубить деревья для стройки, а беспокойно расхаживали из стороны в сторону и смотрели на вздымающиеся на востоке горы. Нас переполняло какое-то смутное стремление.

Затем вернулся Годгар со своими людьми и рассказал историю, в которую трудно было поверить, однако мы знали, что в этом населенном призраками краю происходило много странного. Итак, множество птиц и зверей прервали свой путь на запад, и под защитой этих крылатых и мохнатых Килан Трегарт двинулся обратно к горам. И эта компания позволила Годгару и его людям вернуться к нам в целостности и сохранности.

Тогда-то леди Крисвита встала и обратилась ко всем нам:

— Нам суждено было поверить в это послание. Разве может кто-то под этим кровом сказать, что в нем не возникло стремление отправиться в путь? Я поговорила наедине с Киланом Трегартом и поняла правду. Думаю, мы призваны присоединиться к его пути и противиться этому не можем.

Когда леди Крисвита облекла это в слова, мое беспокойство улеглось; зато меня охватило желание последовать за Трегар-

том, как будто меня ожидало великолепное, восхитительное приключение. И, оглядевшись по сторонам, я понял, что остальные разделяют мои чувства.

Вот так мы собрали вещи, которые могли понадобиться в пути, и, не зная, во что ввязались, выехали из поместья, в котором хотели обрести дом, и направились в глушь, в которой могла таиться опасность хуже той, что когда-либо исходила из Карстена или Кольдера.

2

Так мы пришли в Эскор, страну, давным-давно разрушенную магией тех адептов, которые решили, что людские законы, как и законы природы, писаны не для них. На протяжении жизни многих поколений эта земля пребывала в состоянии хрупкого мира, с трудом балансируя между Силами Света и Тьмы. Те адепты исчезли. Одни погибли во время буйных свар со своими же товарищами, оставив после себя выжженную, омраченную землю. Другие же создали Ворота в Иные времена и миры и, охваченные любопытством — или жаждой власти, — отправились туда.

После себя исчезнувшие Великие оставили последствия своих занятий запретным. Они создали путем мутаций существ, отличных от людей. Некоторые из них были довольно похожи на людей, и с ними могла возникнуть своего рода близость. Другие же принадлежали Тьме и разоряли этот край, как им пожелается.

Прежде чем Древняя раса обрела такую власть, в этом краю жили и другие народы, не люди, но подобные им. Они были связаны с землей сильнее, чем любой человек, и не стремились противоборствовать с ней или изменять ее, как это в обычае у моего народа. Они предпочитали жить в мире с ней, подстраиваясь под времена года, и земля питала и поддерживала их.

Это был народ Зеленой Долины. Когда рок, разбуженный адептами, обрушился на их край, они ушли на восток, в глушь, забрав с собой некоторых из выведенных адептами существ, а другие сами потянулись за ними следом. Там они и жили, держась в стороне ото всех остальных.

Но часть уцелевших людей Древней расы не стремилась к запретному знанию. Они ушли на запад, преследуемые порождениями Тени, и добрались до Эсткарпа и Карстена. Там, как это сделали колдуньи, чтобы победить Рагана, те из них, кто обладал Силой, произвели мощное землетрясение, отгородив свою древнюю родину стеной. Так сильны были проклятия, которые они тогда наложили на людей, что мы больше не думали о востоке — он выпал из нашей памяти. Так было до тех пор, пока лорды Дома Трегарта и их сестра — полукровки, неподвластные заклятию, — не осмелились вернуться туда.

Путешествие наше было нелегким. Сама земля возвела множество препятствий на нашем пути. А кроме того, — хотя нас встретили те, кого Килан попросил отнестись к нам по-доброму, — нас преследовали порождения Тьмы, так что до Зеленой Долины мы добирались с такими же трудностями, как и те, кто поколением раньше бежал из Карстена.

Но Зеленая Долина была безопасной гаванью, на входе в нее были высечены особые руны и знаки. И никто, хоть мало-мальски связанный с Тенью, не мог миновать их и выжить.

Дома народа Зеленой Долины были странными, но все же приятными для глаз. Они были не сделаны людьми из дерева и камня, а скорее выращены. Деревья и кусты переплетались, образуя стены, не уступающие прочностью стенам пограничных крепостей. А крыши были покрыты ярко-зелеными перьями — их сбрасывали во время линьки птицы, повинующиеся леди Дагоне.

О ней рассказывали самые древние наши легенды — о лесной женщине, способной уговорить растения цвести и плодоносить в точности так, как она пожелает. И все же она, как и весь ее народ, была чужда нам. Ее внешность изменялась в долю секунды. Вот только что у нее были огненно-рыжие, как солнце, волосы уроженки Сулькара — а в следующий миг их сменяли черные локоны и молочно-белая кожа представительницы Древней расы.

Ее соправителем был Этутур, и его внешность изменялась точно так же. Неизменными оставались лишь небольшие рожки цвета слоновой кости, торчащие из волос надо лбом. Но все же

изменения его лица и волос не были столь поразительными, как у Дагоны.

Согласно приказу лорда Хорвана, мы разбили палаточный лагерь. Хотя за горами-стенами этой твердыни близилась зима с ее холодами, здесь погода оставалась мягкой, словно в конце лета.

Казалось, тут оживают легенды: вокруг летали, расхаживали, играли странные существа, которых мы долго считали лишь плодом воображения, созданиями сказителей. Тут обитали фланнаны — существа очень маленькие, но достаточно похожие на людей, чтобы казаться нашей дальней родней. Они были крылатыми и иногда танцевали в воздухе, радуясь жизни. Еще там были рентаны, большие, как лошади, с короткими пушистыми хвостами-кисточками и с изогнутым красным блестящим рогом во лбу.

Они принесли нас с гор, но всадникам они не служили; это были разумные и гордые существа, не слуги, а союзники Долины.

Еще там жили люди-Ящеры, и о них я узнал довольно много, потому что первый мой здешний друг был из их числа. Произошло это из-за моих душевных мук.

Крита попала в рай — ну или ей так казалось. Из худенькой тихой девочки, почти ребенка, она превратилась в незнакомую мне девушку. Она постоянно сопровождала Дагону, стремясь научиться всему, чему только леди соглашалась ее учить.

Имхар постоянно пропадал на советах воинов, и не всегда в роли слушателя, как подобало бы в его юные годы. Он глотал знания о войне, как домашний кот свежее молоко, ибо мы пришли в Долину, где царил мир, но она была лишь островком покоя. Вокруг нас кипел и бурлил Эсткарп. Сам Этутур поехал с лордом Кемоком Трегартом в качестве его герольда навестить кроганов, обитателей вод. А другие герольды направились собирать под наши знамена все силы, какие только удастся.

В кузне ковалось оружие, испытывались кольчуги и шли прочие хлопоты, которые так долго были нашим делом в Эсткарпе. Разница была лишь в том, что сейчас нашими противниками были не люди, а злобные, абсолютно чуждые нам существа.

Я готов был драться, когда настанет час, но меня переполняло ощущение одиночества. Во всем нашем отряде лишь у меня

не было ни брата по оружию, ни товарища по веселью. А Криту я видел редко.

Истинная история Йонана началась в день той бури, как будто до той поры я был лишь наполовину сделанной, грубо отесанной, плохо пригодной для употребления вещью.

Я шел тогда с отрядом мечников лорда Хорвана. Один из народа Зеленой Долины служил нам проводником. Мы взбирались по защищавшим Долину каменистым склонам, чтобы выглянуть наружу и посмотреть, что лежит за ними, и решить на будущее, где лучше будет встретить нападение. Когда мы начали подъем, был ясный день, но потом стали собираться тучи, и Ягат, наш командир, поглядывал на них с беспокойством, приговаривая, что надо бы вернуться, пока нас отсюда не сдуло.

Тучи — а может, они были порождением Тени, а не природы? — накатывали так быстро, что мы заторопились. Но случилось так, что я шел последним, и, когда ветер обрушился на нас с воем, заглушившим все остальные звуки, я поскользнулся. Не успев восстановить равновесие, я заскользил вперед, ломая ногти и обдирая пальцы о камни в попытках удержаться.

Тьма и ветер скрыли меня от остальных, а еще выемка в камне, в которой я застрял при падении. Кольчуга не спасла меня от болезненных ушибов. Сверху лила вода, как будто кто-то на утесе выплескивал ведро за ведром на мое тесное укрытие.

Я оттолкнулся изо всех сил и забрался поглубже в это временное узилище, нависший сверху камень отчасти прикрыл меня от ветра и ливня. Я подумал, что позже смог бы вскарабкаться наверх, но пока что не посмел из-за потока воды, стекающего по склону справа от меня.

Небольшой видимый мне кусочек неба озаряли мощные вспышки молний, напоминая о самом эффективном оружии Зеленого народа, их силовых хлыстах. Потом поблизости раздался жуткий оглушающий грохот и донесся странный запах; мне подумалось, что и вправду где-то неподалеку ударила молния.

Поток воды нес с собой небольшие камни, и вода недостаточно быстро вытекала из моей расщелины, хотя у нее и был выход в Долину. Так что вода сперва заплескалась на уровне моих коленей, потом достигла бедер. Я принялся извиваться в попытке забраться повыше, но ничего не получилось.

А стук дождя и раскаты грома все никак не прекращались.

Развернувшись и попытавшись отыскать укрытие получше, я осознал, что мою правую лодыжку то и дело пронзает боль, так, что у меня пару раз даже голова закружилась. В конце концов я понял, что придется здесь сидеть, пока не закончится буря, и перестал дергаться.

Во время одной из этих ярких вспышек я впервые увидел, как в стене справа от меня что-то сверкнуло. Сперва это меня не заинтересовало — лишь вызвало мимолетную мысль: что там может блестеть? А потом я поерзал, пристраивая плечо поудобнее, и ощущал стену.

Мои ободренные пальцы вздрогнули от прикосновения к шершавому камню, а потом коснулись чего-то гладкого и не просто гладкого, а еще и странно прохладного и приятного на ощупь. Я изучил в темноте свою находку. Это было нечто вроде жезла, торчавшего из скалы примерно на длину моего большого пальца, немного толще пальца. Я попытался вытащить этот предмет, и он, казалось, немного подавался, но в этой тесноте я не мог дернуть как следует.

Однако же что-то в моей невидимой находке заставляло меня прикасаться к ней, ощупывать ее. Я сомневался, что это был просто каменный выступ. Он был слишком гладкий и скорее походил на отполированный металл или обработанный кристалл. И все же он торчал из скалы, и я не смог нащупать никакой щели вокруг него, а потому усомнился, что этот предмет создан человеческими руками.

Буря продолжала яриться. Я смотрел из своей тесной западни на мир за пределами Долины, но темнота не давала ничего рассмотреть. Лишь кое-где земля светилась, — судя по тому, что мне доводилось слышать, это были места, где все еще тлели остатки Силы. Нам показывали подобное во время нашего пути через горы. Голубое свечение указывало на безопасное место, где можно было укрыться. А вот тускло-белое, или зеленое, или, хуже всего, красное с черноватым отливом говорили о ловушке.

Как ни долго бушевала буря, но все же она стихла. Вода утекла из расщелины. И молнии больше не хлестали по склонам гор. Я выбрался из-под каменного выступа, служившего мне укрытием, и попытался выпрямиться. Занемевшее тело и по-

врежденная лодыжка сделали это движение болезненным. Я чувствовал шершавую поверхность, по которой можно было бы взобраться наверх, но сомневался, что смогу опираться на ногу.

Потом я застыл. Я услышал звук — не шум дождя, не гром, — скорее, казалось, что кто-то спускается по склону. А вдруг это какое-то создание Тьмы пробралось сюда под ливнем и теперь выжидает момент, чтобы напасть на меня?

Потом появился огонек. В его свете я увидел вытянутую, зубастую морду одного из Ящеров. Потом показались его передние лапы с тонкими пальцами. Свет медленно спустился ко мне; я увидел, что он исходит от камня, оплетенного тонкой проволокой и привязанного веревочкой.

Ящеры, как и представители прочих нечеловеческих рас, общались мысленно. Но я не обладал способностью к контакту разумов, которую так старательно развивала в себе Крита. Я протянул руку и поймал оплетенный камень. В его свете я рассмотрел лодыжку. Ботинок плотно обхватывал голенище, а нога над ним опухла. Неудачно я ее подвернул. Ясно было, что наступать на нее я не смогу.

Я попытался жестами объяснить эту проблему своему спасителю. Он посмотрел на меня яркими, как самоцветы, глазами, а потом в мгновение ока исчез. Я понадеялся, что он пошел за помощью. Но я начал еще и бояться этого. Люди Хорвана и так любили пошутить, что я ни на что не гожусь. И вот я в первом же выходе в патруль умудрился выставить себя в наихудшем свете.

Когда человек-Ящер ушел, любопытство заставило меня вернуться под выступ и посмотреть, что же такое торчит из стены. Когда я подошел туда со своим тусклым светильником, неизвестный предмет ослепительно засверкал.

Это и правда был жезл, сделанный из какого-то кристалла, словно притягивающего к себе свет. И от него исходило голубоватое сияние. Да, он торчал прямо из камня, но, несомненно, это было творение чьих-то рук. Я даже представить себе не мог, как же оно оказалось заключено в камень.

Я ухватил его свободной рукой и дернул изо всех сил. Жезл практически не подался. Чтобы извлечь его, надо было расколоть скалу, из которой он торчал. Но я должен был его достать! Просто обязан! Как наложенный на всех нас гис привел нас

в Эсткарп, так и теперь я осознал, что некая Сила, недоступная моему пониманию, привела меня к этой вещи. Что моя находка была важна. Что я готов в этом поклясться.

А потом я быстро обернулся — сверху снова послышался шорох, и тот человек-Ящер с легкостью спустился по стене. Для него эта скала была все равно что лестница. На плече у него висел моток веревки. Спустившись, он жестаи велел мне обвязаться этой веревкой.

Так во время бури я нашел в этой давно омраченной земле и свою судьбу, и друга — потому что Тсали был настоящим другом, которому не страшно было доверить собственную жизнь и даже то, что важнее жизни.

3

Так я на некоторое время остался в Долине. Но леди Дагона поделилась своими знаниями с Критой, и та принесла мне тазик пузырящейся красной глины. Когда ботинок был срезан с ноги, Крита обмазала мою лодыжку этой глиной. Под воздействием ее тепла боль утихла, и я уснул.

Мои сны никогда не становились реальностью, как те, что были истинными посланиями Силы, — время от времени они приходили к избранным нашего народа, как предостережение. Но на этот раз я шагал по земле, которая была столь же реальна, как и во время бодрствования. А в руке я нес меч, и он лежал в моей ладони так привычно, словно был продолжением руки, и во сне я даже представить не мог себе жизни без этого меча.

Однако же меня переполняли печаль и страх — не за себя, но за других. Я шел и беззвучно плакал о потере, которой не помнил, но все же она была велика и гнула меня к земле сильнее, чем любой дорожный мешок. Я видел, что надетая на мне кольчуга изорвана и покрыта пятнами ржавчины. Левую руку я прижимал к боку, и пальцы мои были в крови. Меня терзала боль, и я сражался с нею. Мое тело должно было помочь мне что-то сделать, прежде чем я упаду замертво.

Меня ждала неизбежная смерть, я знал это наверняка. Все, что осталось у меня за спиной, сгнуло под напором Тени, кро-

ме того, что я нес с собой. Во сне я знал, что этот меч не должен достаться тем, кто шел сейчас по моему следу.

Но меня трясло, бремя боли гнуло меня к земле. Все расплывалось перед глазами. Время утекало, как и жизнь, вместе с каплями крови, сочившимися из моего бока. Но воля моя не подчинялась ни времени, ни слабющему телу.

Земля под моими подкашивающимися ногами понемногу становилась круче, и, несмотря на всю мою решимость, шаги мои замедлились. И все же я продолжал идти. Потом передо мной возник туман. Мои губы произнесли непонятные мне самому слова. Но при этом я знал, что некогда они были мне известны и что они были моим оружием, почти таким же могущественным, как меч.

Возможно, именно Сила слов позволила мне превзойти пределы человеческой выносливости. Дыхание мое было хриплым и рваным. Я не мог больше совладать с пожиравшей меня болью. Но воля моя оставалась непреклонна.

Наконец я остановился, пошатываясь, на краю обрыва. Снизу поднимался туман, и я понимал какой-то частью мутившегося сознания, что его породил находившийся внизу расплавленный камень, кипящий и бурлящий, словно вода. Туда я и швырнул свой меч. На это я истратил все силы, что еще позволяли мне держаться на ногах и добраться сюда с поля брани, где восторжествовала Тень.

А потом я рухнул на землю, понимая, что теперь могу встретиться со смертью, и притом охотно. И проснулся. Я был весь в поту и крепко прижимал руку к боку. Я посмотрел туда в полной уверенности, что сейчас увижу текущую из-под изодранной кольчуги кровь. Но там была лишь кожа, гладкая и целехонькая. И я понял, что это был сон.

В нем я не был Йонаном, о нет. Но и вспомнить имя человека, которым я был тогда, у меня не получалось. Однако же я вынес из этого сна о смерти одну мысль: то, что я нашел в горах торчащим из камня, было именно этим мечом. Когда-то он был мне по руке и станет мне по руке снова.

Однако же что-то заставляло меня держать это в тайне, хоть я и сам не понимал, чем это вызвано. Я стерпел насмешки Имхара над моей неуклюжестью. Но когда Крита пришла, чтобы

проверить, как там моя нога, я спросил ее о человеке-Ящере, который меня нашел.

Это она сказала мне, что его зовут Тсали и что он из дозорных, охраняющих горы. Я позавидовал ее Дару, позволяющему общаться с иными народами, и попросил передать ему мои благодарности. И искренне удивился, когда в тот же день он неслышно вошел в комнатку, где я лежал, и присел рядом, глядя на меня своими глазами-самоцветами.

Он был примерно мне по плечо — изрядный рост для его народа. А потом он присел на задние лапы, опираясь для равновесия на гибкий хвост, снял с запястья шнурок с вплетенными в него белыми и красными бусинами и пробежался по ним тонкими пальцами, словно собирая что-то этими прикосновениями. Я уже видел, как нечто подобное проделывают его соплеменники и слышал упоминания о том, что так, похоже, Ящеры ведут записи.

Я посмотрел на его увенчанную гребнем голову, и мне отчаянно захотелось поговорить с ним, хоть я и знал, что слова, пусть даже и на древнем наречии, ничего ему не скажут. Только представители Зеленого народа могли говорить напрямую, разум к разуму, с теми, кто делил с ними Свет и боролся против Тени.

Внезапно Тсали натянул свои бусины обратно на запястье и достал из сумки на поясе — единственном предмете одежды на его теле, покрытом радужной чешуей, — тонкий, гладкий камень размером с половину моей ладони. На камне этом были вырезаны руны; первая их строчка была заполнена золотыми чешуйками и легко читалась, вторая — чем-то красным, а третья — зловеще черным.

Я видел прежде подобные вещи. Они предназначались для прорицаний, их использовали Мудрые, которым не доставало Силы, чтобы стать полноправными колдуньями. Однако же, когда Тсали поднес этот камень к моим глазам, я понял, что эти руны немного отличаются.

Продолжая держать каменную пластину в одной руке, человек-Ящер второй взял меня за запястье, прежде чем я успел понять, что он собирается сделать. Он поднял мою руку, поднес к камню и провел моими пальцами по его гладкой поверхности. Я ощущал все изгибы и повороты высеченных знаков. Странно,

но оказалось, что камень вовсе не холодный, как я думал, — скорее, даже теплый, как будто некоторое время полежал у очага.

Под моим прикосновением руны сделались ярче и отчетливее. Сперва золотые, потом красные, а за ними и черные. Но от последних знаков в этом ряду мои пальцы задрожали, потому что при всей малости моих знаний о Силе я отлично понял, что это знаки недобрых предзнаменований и отчаяния.

Тсали смотрел, как руны поочередно вспыхивают и гаснут, и его чешуйчатое тело напряглось. Похоже было, что он, в отличие от меня, способен прочесть знаки, искрящиеся под моими прикосновениями. Когда я наконец коснулся последней руны, он забрал пластину и тут же спрятал ее. Но не ушел.

Вместо этого он подался вперед, глядя на меня так пристально, словно ждал от меня ответа. Медленно, очень медленно что-то шевельнулось у меня в сознании. Сперва я так испугался, что отшатнулся от него; мое изумление было столь сильно, что я не мог поверить, что это не игра моего воображения, а нечто большее.

Это не было отчетливой мысленной речью — для нее мне слишком не хватало умения. Скорее, я ощутил некое подобие вопроса. И относился он к чему-то из далекого прошлого.

Но в моем прошлом не было ничего такого, что могло бы заставить Тсали копаться в моем сознании. Я был, наверное, самым незначительным членом Дома Хорвана и даже не чистокровным потомком Древней расы. Или... Чем я был?

На один головокружительный миг меня словно швырнуло обратно в тот сон, где я брел к смерти, чтобы что-то сохранить — или уничтожить, — что-то более великое, чем я сам, но принадлежащее мне. И я обнаружил, что даже после пробуждения помню в мельчайших деталях этот подъем на край кратера и потерю меча, который был неотъемлемой частью меня самого.

Но это был всего лишь сон. Это случилось давным-давно. Я — не тот незнакомец, смертельно раненный в неведомой битве. Я Йонан, полукровка, слабак...

Я — и то и другое!

Я сам не могу объяснить, откуда это стало мне известно. Я слышал, некоторые иноземцы верят, что, хотя адепт может про-

жить во много раз больше, чем обычный человек, люди, уступающие ему силой, могут вернуться, родиться снова, если не выполнили какую-то задачу, снова обрести возможность выбирать и действовать. И надеяться, что на этот раз все обернется к лучшему.

Может, этот чужак внутри меня как раз из таких людей? Истинен этот сон или лишь игра воображения? Но кто может дать ответ? Мой предсмертный путь был сейчас для меня таким же реальным, как будто все это вправду случилось со мной — вчера или прошлой ночью, когда я думал, что брежу во сне.

Теперь я знал, что должен сам себе ответить на этот вопрос. И доказать это можно было лишь одним способом: я должен вернуться на тот утес, отыскать загадочный предмет, заключенный в камне, и извлечь его. Если я увижу его, если снова сожму его в ладони, тогда... тогда, возможно, осознание того, что он был моим, был предназначен для меня, вернется снова.

Тсали зашипел. Каким бы тихим ни было его шипение, оно нарушило мою сосредоточенность. Ящер все еще смотрел на меня, но уже не так напряженно. Теперь он кивнул; увенчанная гребнем голова степенно опустилась и поднялась. И я понял, что, хотя и не могу читать мысли, кроме самых смутных отголосков, мое сознание более открыто для него.

Я заговорил, хоть и не знал, способны ли его нечеловеческие уши улавливать мои слова и извлекать из них какой-то смысл.

— Я должен вернуться...

Кажется, он меня понял. Во всяком случае, церемонно кивнул. И в этом кивке таилось обещание — он словно подразумевал, что я должен сделать то, что пожелал.

Теперь мне не терпелось вылечить лодыжку, и я донимал Криту просьбами снять с моей ноги тяжелую глиняную корку. Наконец она ее сломала и освободила меня. Я не чувствовал боли, и на ноге не осталось ни опухоли, ни отметины. И когда я встал, то почувствовал себя совершенно нормально.

Но выкроить время для исполнения моего желания было нелегко. Я не мог просто взять и уйти, бросив тренировки, превращающие наше маленькое войско в отряд обороны. Как ни странно, я был твердо уверен, что не должен ни с кем делиться своей тайной — кроме Тсали. Так что прошло целых три дня, полных

досады и нетерпения, прежде чем мне удалось ускользнуть до рассвета, чтобы снова подняться на тот утес. Но прежде, чем я протянул руку к первой опоре для подъема, невесть откуда возник воин-Ящер и проскочил мимо меня наверх с ловкостью, недоступной человеку.

Я был рад, что Тсали присоединился ко мне. На этот раз я, поднявшись наверх, не мог отыскать никаких ориентиров. Я не знал, откуда начинать поиски той расщелины, в которую я столь неожиданно провалился. Но по поведению Тсали — он посмотрел на меня сверху и двинулся вправо — было ясно, что он сумеет меня довести.

Днем, без штормовых туч вокруг, окружающие Долину суровые вершины были отлично видны. В этих горах было множество расщелин, и все они походили друг на друга. Однако же Тсали подошел к одной из них, остановился и махнул рукой, подзывая меня.

Я опустился на колени и стал всматриваться в щель в скале. Отсюда ничего не было видно. Должно быть, моя находка располагалась подальше, в полутени под каменным выступом. На поясе у меня висел небольшой молоток — я тайком утащил его из кузни вместе с острым зубилом. Хотя оба инструмента были металлическими, я не знал, одолеют ли они этот камень.

Я осторожно спустился в расщелину. Тсали лег на край и внимательно следил за мной. Я наверняка пропустил бы искомое, потому что жезл почти не отличался по цвету от окружающего камня. Но мне помогло то, что он торчал из стены.

Хотя на ощупь этот жезл казался кристаллом, он был непрозрачным и серым, как любой здешний выступ. Как же так получилось, что он тогда засверкал на свету? Я потрогал его. Да, он шевельнулся, но лишь самую малость. Присмотревшись, я разглядел, что между ним и камнем была едва заметная щелка.

Опасаясь сломать кристалл, я принялся как можно осторожнее работать молотком и зубилом. От скалы отлетали лишь крохотные кусочки, и то ценой больших усилий.

Но я обуздал нетерпение и продолжал трудиться как никогда осторожно. Так было нужно. Работа полностью поглотила меня. Я не замечал палящего солнца, превратившего расщелину в раскаленный котел, такой, что я сперва стащил с себя кольчугу,

Содержание

ТРОЙКА МЕЧЕЙ	5
БЕРЕГИСЬ ЯСТРЕБА	151
КОШАЧЬИ ВРАТА	357